

ДЕЛЯГИН М.Г.Председатель президиума, научный руководитель
Института проблем глобализации,
д.э.н.**МИР 2010-2020 ГОДОВ:
НЕКОТОРЫЕ БАЗОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ**

Прогнозирование развития России и оценка ее перспектив традиционно осуществляется "от достигнутого", на основе рассмотрения ее собственного внутреннего потенциала, с лишь эпизодическим и частичным учетом влияния мировой экономической, политической и информационной среды. Этот подход - не имеющий интеллектуального оправдания отголосок практики нерыночного планирования, исходившего из собственного (в классическом случае - производственного) потенциала развития планируемого объекта, пренебрегая внешней средой его функционирования (спросом на его продукцию). Он во многом обесценивает получаемые результаты и делает их заведомо недостоверными в случае не только отдельного предприятия, но и отдельной страны. Игнорирование международной конкурентной среды превращает традиционное прогнозирование в исключительно опасный инструмент самоуспокоения. Недостаточное использование имеющихся ресурсов представляется при таком подходе вполне допустимым, так как оставляет "за рамками" рассмотрения последствия вызываемого этим ухудшения позиций во внешней конкуренции.

Наконец, недостатком традиционного подхода является необходимость прогнозирования решения ключевых внутрироссийских проблем. Вне зависимости от желания разработчиков это обрекает прогноз на политизированность и превращает его в инструмент внутривнутриполитической борьбы, что подрывает как его собственную научную эффективность, так и доверие к нему.

Изложенное свидетельствует о насущной необходимости дополнения доминирующего ныне традиционного подхода, если можно так выразиться, "встречным" подходом, заключающимся в прогнозировании не внутренних возможностей самой страны, но внешней, мировой среды ее существования. Эта среда устанавливает развитию общества внешние, не зависящие от него требования и ограничения и создает тот "коридор возможностей", в которых оно будет действовать, которые оно сможет или не сможет реализовать. Такое дополнение традиционного прогнозирования, опирающегося лишь на внутренние возможности страны, кардинально изменяет саму модальность прогноза. Не обязательные к исполнению пожелания, связанные с реализацией внутренних возможностей, будут заменены на категорические императивы национального развития: внешние, объективные и не зависящие от состояния общества, без реализации которых оно не обеспечит себе приемлемого места в мировой конкуренции.

Такой подход особенно важен для российского общества, сохраняющего, несмотря на чудовищную и всеобщую деграцию, значительный потенциал мобилизации, но демонстрирующего абсолютную неспособность к инерционному развитию в комфортных условиях устойчивого притока "нефтедолларов".

Конечно, подобная работа требует значительных усилий, высокой организации и времени, - не говоря уже о знаниях, во многом утраченных нашим обществом [1]. Данная работа посвящена эскизной обрисовке лишь некоторых явных уже сегодня проблем, которые, как представляется, усилят свою значимость и к 2010, и особенно к 2020 году.

Ключевой проблемой современного человечества является его нарастающее разделение, имеющее многоуровневый характер, идущее одновременно по целому ряду признаков. В конце XIX - начале XX века человечество достигло исключительно высокой для тогдашнего уровня развития интеграции. Эта интеграция, устранив внутренние барьеры на рынках, предельно (вплоть до развязывания мировой войны) обострила конкуренцию между наиболее развитыми странами и привела к глубокой сегментации человечества.

Весь мировой экономический рост после Второй Мировой войны опирался на постепенное оживление этой сегментации, пока победа Запада в "холодной войне" не покончила с ней окончательно.

Однако новое устранение барьеров на мировых рынках (модные сопоставления глубины интеграции начала и конца XX века некорректны, так как в конце его наиболее значимой была интеграция на рынке услуг, зачаточном в его начале) породило новые комплексы неодолимых проблем и, соответственно, новую волну сегментации.

Она еще только начинается, и ее ход - и тем более последствия - нуждаются в тщательном анализе, но уже ясно, что старая модель "роста за счет интеграции", обеспечивавшая развитие человечества в течение всего послевоенного периода, исчерпана. Пока не будет сформирована новая модель развития (а это делается ощупью и, соответственно, медленно и непоследовательно), о высоких темпах развития и тем более об устойчивом росте, - хотя бы для развитых стран, образующих основную часть мировой экономики, - придется забыть. Сегментация человечества идет сразу в нескольких направлениях, по нескольким критериям.

На поверхности лежит разделение между успешно развивающимися и неразвитыми странами ("между богатыми и бедными", "между золотым миллиардом и пока двумя, а завтра больше миллиардами, живо сжигаемыми в топке процветания западной цивилизации"). Прогресс Запада и успешных стран Азии слишком заметен на фоне вымирающей Африки, содрогающейся в конвульсиях Латинской Америки, стагнирующей уже второе десятилетие Японии, деградирующих Юго-Восточной Европы и постсоветского пространства.

Не позже начала 90-х годов разрыв между развитыми странами и остальным миром окончательно принял технологический характер: современные технологии слишком сложны и дороги, чтобы их могли не то что создавать, но даже применять относительно неразвитые страны. Это лишает их самой возможности эффективно работать - и, следовательно, лишает их будущего в условиях глобальной конкуренции.

Развитые страны осознают эту проблему преимущественно через призму "цифрового неравенства", которое ограничивает рынки сбыта производимой ими (точнее, их корпорациями) сложной и потому дорогой высокотехнологичной продукции, а следовательно - и возможности их технологического прогресса. Однако на деле проблема глубже: рост эффективности информационных технологий привел к классическому "кризису перепроизводства" информационных (в широком смысле слова) услуг [2]. Их объем слишком велик даже для глобальных рынков. Именно это - наиболее глубокая причина системного структурного кризиса, охватившего сейчас экономики развитых стран и мировую экономику в целом.

Расширение же глобальных рынков сдерживается не только бедностью большинства населения развивающихся стран, но и культурным барьером: технологии пропаганды и даже обработки информации, разработанные для одной цивилизационной парадигмы, не воспринимаются в рамках другой. Результат - сокращение притока ресурсов для дальнейшего прогресса информационных технологий Запада.

Естественно, развитые страны будут прилагать все усилия для если не разрешения, то по крайней мере смягчения этого кризиса, которое не только лишает их перспектив сохранения безусловного мирового лидерства (из-за сокращения финансирования развития технологий), но и порождает значительные внутренние проблемы, уже запустив процесс маргинализации части среднего класса - процесс превращения "общества двух третей" в "общество половины" [3].

В краткосрочном плане кризис будут пытаться изжить в первую очередь попытками стимулирования развития бедных стран в типичном гуманитарно-ооновском стиле. Их прямое противоречие текущим интересам практически всех ключевых сил развитых стран и исключительная сложность самой задачи обрекает их на неудачу.

Среднесрочными мерами решения проблемы станут прежде всего попытки стимулирования "культурной экспансии" развитых стран для расширения информационных рынков за счет снятия "культурного барьера". Практика показывает, что подобные действия, поневоле посягая на цивилизационную идентичность осваиваемых обществ, ведут к разрушению слабых обществ и конфронтации Запада с сильными.

Поэтому они неразрывно связаны с другим среднесрочным способом смягчения кризиса - с нагнетанием в мире военно-политической напряженности для стимулирования военных [4] научно-технологических разработок (которые, как это ни печально, служат наиболее эффективным методом государственного стимулирования науки и технологий).

В конечном счете, все эти подходы недостаточны. Наиболее вероятный путь изживания кризиса (если забыть об апокалиптических прогнозах сравнительно безболезненной эвтаназии незападных цивилизаций - по аналогии с современной Африкой и завтрашней Россией [5] - качественное удешевление и упрощение современных технологий [6]. Однако вопрос об областях применения этих "закрывающих" технологий (они "закроют" не только отрасли, но и, соответственно, целые страны), темпах их распространения и характере влияния на конкретный рисунок международной конкуренции остается открытым [7].

Появление и превращение в значимый фактор международной конкуренции такого явления, как "культурный барьер", делает все более очевидным ответ на другой вопрос, поставленный еще Тойнби. Разделение человечества идет не только по используемым технологиям и уровню благосостояния, но и по цивилизационному признаку.

Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы [8], и силовое поле, создаваемое биполярным противостоянием, удерживало в ее рамках все остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив сразу две цивилизационно-культурных инициативы: исламскую, несущую мощный социальный заряд, и китайскую [9]. (Существенно, что в силу сочетания традиций с демографическим регулированием мальчиков рождается почти на 15% больше, чем девочек, что способствует повышению общего уровня агрессивности китайского общества, выливающейся при эффективном управлении во внешнюю экспансию).

Мировая конкуренция стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями - и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаваться человечеством. Проще всего понять его по аналогии с межнациональными конфликтами, разжигание которых является преступлением особой тяжести в силу их иррациональности: их сложно погасить, так как стороны существуют в разных системах ценностей и потому не могут договориться.

Участники конкуренции между цивилизациями разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. Они не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности, цели и методы друг друга. Финансовая экспансия Запада, этническая - Китая и религиозная - ислама не просто разворачиваются в разных плоскостях; они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого общественного развития - вопросу о власти, - но в силу самого своего образа жизни. Компромисс возможен только в случае изменения образа жизни, то есть уничтожения как цивилизации.

Такая конкуренция не просто осуществляется по отношению к каждому ее участнику методами, являющимися для него внесистемными и потому носящими болезненный и разрушительный характер; она носит бескомпромиссный характер и нарастает даже при видимом равенстве сил и отсутствию шансов на чей-либо значимый успех.

Она иррациональна - и потому опасна и разрушительна. Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но разъедает и подрывает ее (классические примеры - этнический раскол американского общества и имманентная шаткость прозападных режимов в исламских странах).

Возможно, ислам уже в ближайшее десятилетие станет "ледоколом" Китая по отношению к Западу подобно тому, как гитлеровская Германия и, в конечном счете, сталинский СССР стали "ледоколом" рузвельтовских США по отношению к Европе.

Вместе с тем рассмотрение традиционного мирового "треугольника цивилизационных сил" (Запад - ислам - Китай) становится все менее достаточным. Похоже, мы присутствуем при еще более драматическом, чем столкновение западной и исламской цивилизаций, акте начала разделения Запада, - при начале расхождения между ЕС и США.

Действительно ожесточенная экономическая конкуренция играет здесь безусловно подчиненную роль: пагубная для европейской экономики агрессия против Югославии и события 11 сентября, когда ЕС спасал американскую финансовую систему, достаточно убедительно доказывают, что для европейцев теснота экономических связей с США решительно доминирует над экономической же конкуренцией с ними.

Происходящее размежевание, видное в мириаде мелких деталей, но более всего в различном отношении к Ираку, свидетельствует не о политическом, но о значительно более тонком и одновременно более глубоком мировоззренческом, ценностном расхождении двух обществ. Американское ориентировано прежде всего на обеспечение собственной конкурентоспособности. Правило, мешающее ему достигать эту цель, искренне воспринимается как устарелое недоразумение и отбрасывается. США - боксер, который не пользуется на ринге ножом не потому, что это не принято, а потому, что за это засчитают поражение. Европейское же общество стремится жить по установленному своду принципов (надо отметить, в целом разумных и гуманных), обеспечивающих ему наиболее комфортную и благополучную жизнь. Это обрекает его на пассивность, догматичность, коллаборационизм - вчера перед лицом "советской угрозы", сегодня перед лицом склонного к экспансии ислама - и относительно слабую в мировой конкуренции.

Однако заранее списывать Европу со счетов, даже с учетом ее внутренней неэффективности и разнородности, было бы глубокой ошибкой. Не стоит забывать, что ее коллаборационизм и склон-

ность к уклонению от конфликтов могут привести ее на тот самый холм, с которого процветающая обезьяна китайской стратагемы вот уже несколько тысячелетий наблюдает за схваткой сменяющихся тигров.

При оценке конкурентоспособности цивилизаций важно учитывать, что современные технологии парадоксально придают новую жизнеспособность архаичным социальным организмам, которые:

- в силу архаичности или примитивности не воспринимают многие разрушительные технологии, разработанные для сдерживания современных социальных механизмов (так, традиции - лучшее оружие против пропаганды), и защищены от ряда современных вызовов (так, пренебрежение правами человека позволяет запретительно жестоко карать за наркоторговлю и оргпреступность);

- эффективно использует современные технологии [10];

- получают стремительно расширяющуюся социальную базу в силу возникновения технологического разрыва между обществами и внутри развитых обществ и увеличения в силу этого доли людей, не имеющих жизненных и социальных перспектив (так, в частности, ислам стремительно занимает нишу, освобожденную коммунизмом как его течением, принимая на себя его социально-психологическую функцию стремления к справедливости).

Ухудшение конъюнктуры ужесточает конкуренцию: в эпоху процветания она ведется за лишний кусок, в эпоху кризисов - за выживание. Глобальная экономика 90-х годов - эпохи бурного процветания развитых стран за счет перекачивания ресурсов [11] социалистической системы - была и эпохой глобальной конкуренции.

Экономическая интеграция и снятие барьеров на рынках, дошедшие в эпоху глобализации до своего логического завершения, сделали глобальную конкуренцию всеобъемлющей и всепроникающей и превратили ее в ее собственную противоположность - из инструмента воспитания, развития и стимулирования неэффективных экономик она превратилась в орудие их массового уничтожения.

На глобальных рынках, лишенных внутренних барьеров (как между регионами мира, так и между торгуемыми благами), в силу их естественного развития появились глобальные монополии, которые немедленно начали загнивать. Плоды этого загнивания первоначально удалось отбросить в более слабые, развивающиеся страны [12], но уже с весны 2000 года неблагополучие охватило и развитые экономики.

Другое проявление загнивания глобального монополизма - прекращение автоматического ослабления основных проблем человечества (бедности, неграмотности, болезней, дискриминации, загрязнения окружающей среды) по мере механического увеличения богатств. 90-е годы стали первым десятилетием новейшей истории, когда экономические успехи человечества "в целом" сопровождались серьезным усугублением его проблем. Это внятно свидетельствовало об объективной необходимости смены парадигмы развития человечества.

Данные тревожные симптомы проявлялись на подъеме мировой экономики. В ближайшие годы ухудшения мировой конъюнктуры [13] следует ожидать ужесточения глобальной конкуренции и приобретения ей более разрушительного (для слабых) характера.

В свете этого прогнозы двукратного роста мирового потребления энергоресурсов к 2020 году (и, соответственно, угрозы их дефицита) - признак не столько самого этого роста, сколько высокой вероятности разрушения экономик стран Юго-Восточной Азии, на долю которых приходится основная доля прироста энергопотребления, их стратегическими более развитыми конкурентами [14].

Общее следствие ужесточения конкуренции - сужение возможности более слабых участников. Любое менее эффективное производство будет уничтожаться и утрачиваться; соответственно, в конкуренции смогут участвовать обладатели либо наивысшей эффективности производства [15], либо уникальных преимуществ (в первую очередь ресурсов).

На глобальных рынках подобное ужесточение конкуренции означало бы физическое устранение большей половины человечества как занятого в заведомо неэффективных производствах. Заведомая нереальность столь значимой катастрофы живого организма, каким является человечество, заставляет предположить, что выход будет найден. Его наиболее вероятное направление - переход от глобализации к регионализации, то есть от формирования единого общемирового рынка к созданию системы региональных рынков, разделенных не столько естественными, сколько политико-административными границами. В их рамках в силу снижения остроты конкуренции смогут не только существовать, но и развиваться относительно менее эффективные общества.

Переход к регионализации будет длительным и сложным. Кроме того, чем слабее будут общества того или иного региона, тем более проницаемыми будут его экономические границы для глобальной конкуренции, - и тем менее эффективной будет регионализация.

Другое направление ужесточения глобальной конкуренции - дополнение конкуренции на рынках сбыта более жесткой конкуренцией на рынках ресурсов. Наша страна столкнулась с ней, когда обнаружила, что способность производить лучшие в мире, например военные самолеты, не значит ничего без способности обеспечить для соответствующих производств необходимые людские, финансовые и материальные ресурсы, стремительно перетекающие в иные сферы производства.

Выяснилось, например, что без серьезных усилий со стороны государства произвести из отличного металла просто хорошую машину невозможно: этот способ использования металла относительно менее эффективен, чем используемый конкурирующими производствами - и, значит, металл достанется им. То же и с финансами [16], и с технологиями, и с рабочей силой (включая управленцев и интеллектуалов). Россия все еще располагает двумя уникальными преимуществами: пространством, позволяющим обеспечить необходимую мировой торговле трансевразийскую железнодорожную магистраль, и минеральными ресурсами, являющимися последней на нашей планете нетронутой природной кладовой. Общее ужесточение конкуренции за ресурсы развития означает, что нашему обществу уже в ближайшее время предстоит доказывать по меньшей мере основным участникам глобальной конкуренции, если не свою способность использовать эти ресурсы, то хотя бы свою возможность ими владеть.

Наше право на владение уникальной возможностью создания трансевразийской железнодорожной магистрали поставлено под сомнение укоренением американского влияния в Средней Азии. Несмотря на стратегическое соперничество, США и Китай могут договориться о маршруте железнодорожного транзита, огибающего территорию России, - не из вредности, но из экономической целесообразности и понятного стремления избежать социальной деградации и политико-управленческого хаоса, нарастающих на этой территории. В этом случае Россия лишится важнейшего интегрирующего фактора и из моста между Европой и Юго-Восточной Азией, которым она сейчас потенциально является, превратится в совокупность никому не нужных третьестепенных окраин участников глобальной конкуренции.

Освоение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока под международным, а не российским контролем и вовсе является открытой темой дискуссий американских специалистов, по меньшей мере с 1996 года. При этом обобщение картин идеального мироустройства, к которому неявно (а зачастую и неосознанно) стремятся ключевые участники международной конкуренции, дает примерно одинаковую схему. По ней власть российского государства ограничена европейской частью России [17], в которой сформировано вполне европейское по внешнему антуражу государство - своего рода гибрид Португалии и Польши. Природные же ресурсы Сибири и Дальнего Востока находятся под внешним контролем и эксплуатируются авторами соответствующего подхода.

Транснациональные корпорации даже готовы платить налоги через Москву - частью ради поддержания относительной цивилизованности в лишающейся источников существования "Московии", частью в силу заведомо более выгодных условий ведения бизнеса [18].

Существенно, что крупные российские корпорации, уже вынужденные принимать решения на основе своего позиционирования в поле описанных интересов, как правило, ориентируются в качестве наиболее предпочтительных на интересы Запада - не только как наиболее близкого цивилизационно, но и как единственного участника глобальной конкуренции, ориентированного на развитие бизнеса. Предстоящее столкновение интересов Запада (США и ЕС, вероятно, будут действовать порознь), Китая и исламской цивилизации на территории России должно как минимум регулироваться, направляться и балансироваться российским государством, которое одно из участников конкуренции способно осознавать специфику осваиваемой территории. Без этого столкновение станет не только стихийным, но и неадекватным характеру спорных ресурсов и сможет стать разрушительным не только для нашего общества, но и для всего человечества.

Важный и недооцениваемый фактор конкуренции за ресурсы - изменение климата. Его масштабы, скорость и причинность еще долго будут оставаться полем дискуссий, но наличие его изменений сознает любой человек с не отшибленной преобразованиями памятью.

Изменение климата создаст угрозу уничтожения [19] для многих благополучных обществ, обладающих значительными ресурсами и способными использовать их для изъятия "климатической ренты" у слабых обществ, которые изменение климата переместит в более благоприятные условия. К первым относятся, например, США и многие исламские государства, ко вторым - например, Россия.

Важный фактор глобальной конкуренции - расширение спектра ее субъектов, в том числе и за счет труднонаблюдаемых и даже вовсе не поддающихся наблюдению структур.

Так, весомой надгосударственной силой уже давно стали транснациональные корпорации. Как правило, они стремятся к реализации интересов "страны базирования" (то есть места расположения

их штаб-квартиры). Вместе с тем они занимают в мировой экономике "положение сильного", соответствующее положению США среди других стран, в силу чего их интересы, идеология и стиль ведения конкуренции наиболее близки к американским. Важно и то, что США создали наиболее совершенный механизм симбиоза крупных корпораций с государством, в силу чего их политика и интересы если и не совпадают, то, во всяком случае, дополняют друг друга наиболее гармоничным образом.

При этом значительная часть транснациональных корпораций (особенно действующих в сфере финансов) действует в рамках далеко не всегда формализованных и часто принципиально не поддающихся наблюдению групп и союзов. В сочетании со слабостью системы наблюдения за мировой экономикой и транснациональным бизнесом в целом это в большинстве случаев делает последнего неуязвимым для национальных и международных бюрократий "невидимкой".

Субъектом мировой конкуренции становятся отдельные регионы тех или иных стран, которые в силу обладания значимыми ресурсами и эффективного управления оказываются более успешными, чем их страны в целом, и фактически действуют самостоятельно.

Значительную, хотя и скрытую роль в современной конкуренции играют разнообразные структуры, действующие внеэкономическими методами (многие из них стремятся даже не к прибыли, но к власти или влиянию в чистом виде). Это религиозные и преступные организации, а также структуры, ориентированные на решение отдельных проблем (как, например, антиглобалистское и экологические движения).

В эту же группу организаций входят спецслужбы ряда стран (в том числе и развитых, и наиболее развитых), обладающие значительной степенью самостоятельности [20]. Источником этой самостоятельности является, во-первых, распространенная более широко, чем это может быть признано, практика "самофинансирования спецопераций" [21] (во многом подпитывающая мировую наркоторговлю, нелегальную торговлю оружием и технологиями) и, во-вторых, реализация слишком деликатных и не поддающихся огласке интересов не допускающих огласки методами (причем эти интересы носят как национальный, так и частный характер, включая интересы корпораций и частные интересы высших лиц соответствующих государств и спецслужб).

Упрощение процесса коммуникаций, позволившее создавать весьма эффективные сетевые структуры, распределенные не только в географическом, но и в правовом отношении (что позволяет минимизировать и юридический риск), резко повысило влияние всех негосударственных участников мировой конкуренции.

Более того: оно впервые позволило оказывать весьма значительное влияние на общество и отдельно взятому, не образующему никакой организации человеку, без них обреченному на полное бессилие (классическим, хотя и крайним примером является случай Унабомбера).

Новая структура конкуренции, определяющая и будущая определять в ближайшие годы мировую среду, в которой будет существовать Россия, практически не подвергается анализу. Между тем применение стандартных подходов исключает из рассмотрения целый ряд важных субъектов этой конкуренции и в результате делает неадекватным как анализ, так и получаемые на его основе выводы.

Современная глобальная конкуренция (частным, хотя и фундаментальным, структурирующим случаем которой является конкуренция между цивилизациями), ведется разнородными субъектами, существующими в различных плоскостях, преследующими несопоставимые цели и действующими разнородными методами. В силу фундаментальных различий в системе ценностей и образе действия они не способны понять друг друга, а значит - прийти к долгосрочному (не тактическому, заключаемому ради достижения локальной цели) соглашению.

Общим знаменателем, к которому сводятся их усилия, является влияние на развитие человечества. В бизнесе эту роль выполняет прибыль, но глобальная конкуренция носит надэкономический характер и ведется за навязывание миру своей модели развития. Материальные блага оказываются естественным результатом окончательного успеха и приятным, но всего лишь побочным следствием успеха частичного. В этом современная глобальная конкуренция напоминает биологическую: ее смыслом является экспансия в чистом виде [22].

При сопоставлении сил участников конкуренции следует ориентироваться не столько на масштаб их деятельности (хотя он сам по себе служит важным ресурсом - залогом устойчивости), сколько на масштаб "ликвидных", высвобождаемых ресурсов. Учитывать надо все ресурсы, в том числе организационные, интеллектуальные и коммуникативные, которые участник конкуренции может высвободить для участия в ней в различные моменты и на различные сроки.

Незаменимыми ресурсами являются обладание технологиями и склонность к агрессии (стратегическая оборона - единственный гарантированный путь к поражению).

Распространение технологий формирования сознания подорвало эффективность не приспособленных к ним общественных и корпоративных систем управления. Их общими пороками стали самопрограммирование, отрыв от реальности, сосредоточение на пропаганде вместо решения реальных проблем и отгораживание от общества.

Однако вызов, брошенный им технологиями формирования сознания не менее десятилетия назад, не мог остаться безответным и уже породил стремление к восстановлению внутренней целостности управляемого общества хотя бы по отдельным значимым параметрам.

Это стремление порождает усиление процессов делегирования ответственности и перенос внимания управленческой науки с трансформации традиционных пирамидальных организационных структур в конструирование независимых сетевых структур. Управление последними осуществляется не столько прямыми воздействиями, сколько изменения среды их функционирования (в первую очередь информационной и финансовой компонент этой среды).

Предельное выражение этой тенденции - попытки разработки теории эвристического управления (в противовес обычному, основанному на формальной логике).

Вместе с тем нельзя исключить, что, наряду с осознанным совершенствованием систем управления людьми, происходит и их стихийная эволюция как некоторых целостностей, элементами которых являются образующие их чиновники и, что не обязательно, управляемые структуры. Аналогии между функционированием организаций и живых организмов достаточно очевидны и подкрепляют тот факт, что многие эффективные действия организаций, обеспечивающие достижение стоящих перед ними целей, не осознаются не только сотрудниками, но даже и руководителями этих организаций [23].

Принятие гипотезы [24] о формировании в организациях (и тем более - в обществах) надличностного "коллективного разума" позволяет предположить, что распространение технологий формирования сознания является не вызовом ему, но средством повышения его эффективности, важным этапом его саморазвития. В этом случае устаревшие технологии управления, не соответствующие указанным технологиям, будут сметены не просто в силу своей неэффективности, но как оковы, мешающие самореализации коллективного разума.

Скорость их замены новыми технологиями управления, не просто сохраняющими эффективность в условиях массового и хаотического применения технологий формирования сознания, но и использующего их для повышения своей эффективности, станет одним из ключевых факторов конкурентоспособности уже в ближайшем десятилетии.

В ближайшее десятилетие первичным условием конкурентоспособности того или иного общества станет уже не эффективность государственного управления, как сейчас, но сохранение и углубление самой общественной идентичности. Особую роль будет играть совершенствование и поддержание устойчивой системы общественных ценностей, действительно мотивирующих общество к достижению успеха в глобальной конкуренции.

Общество, не сознающее себя как обособленная целостность, участвующая в жестокой конкуренции, равно как и общество, господствующая в котором система мотивации не ориентирована на коллективный успех в этой конкуренции, обречены на поражение и в конечном счете - на деструкцию.

Пример тому дает не только СССР, но и множество "конченных стран", еще четверть века назад представлявших собой хотя и не самые развитые, но все же стабильные, единые и обладающие определенными позитивными перспективами территории.

Самоидентификация советского народа, базировавшаяся на чудовищных жертвах Гражданской и Великой Отечественной войн, а также на коллективном успехе в период "оттепели" (социальный, технологический и идеологический прорыв, символом которого стал полет Ю.Гагарина), разрушилась в период горбачевской "катастрофы". Сегодня российское общество стоит перед необходимостью обретения новой самоидентификации, что, как показывает история, отнюдь не представляет собой принципиально неразрешимой задачи.

Так, самоидентификация американского общества была подорвана не только перед гражданской войной 1861-1865 годов, но и совсем недавно - в конце 60-х (когда обращенный к Никсону лозунг "объедините нас!" был не только предвыборным преувеличением).

Восстановление самоидентификации российского общества, "обретение субъектности", нужда в которой остро ощущается уже сейчас, может идти только на базе идеи "конструктивного реванша" в глобальной конкуренции и путем глубокой реидеологизации общества. Идеология одна способна соединить социальные и национальные группы в единый коллектив, сплоченно участвующий в мировой битве за рынки и ресурсы, а в конечном счете - за перспективу. Она же - единственный генера-

тор энтузиазма, удесятеряющего как физические и административные, так и интеллектуальные силы общества.

Идеология решительно отличается от религии и национализма открытостью, готовностью использовать в качестве ресурса максимальное количество потенциальных союзников, стремлением никого из них не отталкивать в объятия конкурентов по формальным признакам. Возникнув первоначально в социальном качестве, как орудие классового самосознания и классовой борьбы, идеология по мере развития общественных отношений расширилась до понятия "образа жизни", блестяще реализованного в США и не до конца - в советском обществе.

Одна из фундаментальных причин успешности США - именно исключительная идеологизированность американского общества. Еще в 1837 году начинающий политик А. Линкольн впервые выдвинул тезис о необходимости "политической религии", почитающей Конституцию и законы США как религиозную догму. Впоследствии, после гражданской войны, американское общество выработало такую "гражданскую религию", вводящую религиозную жесткость и нормативность в сферу принципиально важных для выживания общества вопросов его внутренней жизни. При этом "гражданская религия", объединяя людей разных вероисповеданий на основе их верности интересам общества, по сути своей стала прототипом современных общественных идеологий.

В современной России попытка восстановления целостности общества пока контрпродуктивна. После краха идеологии, ориентированной на складывание "новой исторической общности людей - советского народа", и попыток заменить ее заведомо непригодной для всего общества идеологией торжествующих спекулянтов, общественное самосознание упало на первичный, национальный уровень. Так как для многонациональной страны это смертельно опасно, государство (если забыть об анекдотических попытках ельцинского периода [25] инстинктивно попыталось обеспечить общественное единство на более высоком, чем национальный, уровне - на уровне религии.

Действительно, Россия не только сохранилась в период феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, но и развивалась до создания Петром Первым национальной бюрократии именно на религиозной, православной основе. Но путь, который был передовым еще пять веков назад, сегодня оборачивается своей противоположностью, так как Россия соединяет представителей всех великих религий мира и атеистов. Деление на более чем сотню национальностей менее разрушительно, чем на несколько конфессий, из-за:

- размытости национального чувства (особенно у преобладающей нации - русских), сглаженного далеко зашедшим формированием наднациональной общности - советского народа;
- количественного и особенно культурного доминирования русских, хотя и подрываемого массовым вторжением более активных и сплоченных беженцев с постсоветского пространства;
- того, что разделение на множество относительно небольших групп, сдерживающих и уравновешивающих друг друга, меньше угрожает целостности, чем разделение на несколько крупных групп, неизбежно жестко отделяющихся друг от друга. Идеология, способная объединить страну, в явном виде пока не существует. Между тем многие косвенные признаки - и, в частности, недооцениваемый интеллигентными наблюдателями оглушительный успех проекта "Владимир Путин" образца конца 1999 - начала 2000 года - позволяют предположить, что основы этой объединяющей и мотивирующей идеологии уже стихийно выработаны обществом.

Ее суть - гармоничное соединение неотъемлемых насущных прав личности и необходимости патриотизма как единственно возможного инструмента обеспечения этих прав в условиях внешней конкуренции. Понимание необходимости этих компонент достаточно четко, так как унаследовано от советского общества, которое последовательно и в целом успешно реализовывало их. Сегодня это идеология выработана на уровне ощущений и понимания и нуждается лишь в артикуляции, являющейся неотъемлемой функцией общественной элиты.

Подобно тому, как государство является мозгом и руками общества, элита - совокупность людей, участвующих в принятии значимых решений либо являющихся примерами для подражания - служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы и передающей их соответствующим группам социальных мышц.

Сегодняшняя российская элита не способна справляться со своими функциями даже не столько из-за развращенности длительным грабежом и разрушением собственной страны, сколько из-за вызванного этим обесценивающего цинизма.

Отсутствие идеалов и энтузиазма, неспособность воодушевлять общество на решение ключевых задач делает российскую элиту совокупностью ничего не желающих (кроме личного благосостояния) и ничего не могущих "пикейных жилетов". Поэтому категорическим требованием выживания

России в глобальной конкуренции является обновление элиты в процессе артикуляции ею уже нащупанной обществом созидательной идеологии [26].

В процессе этого обновления общественная элита, помимо воодушевления, должна обрести и адекватность. Значение столь банального требования обычно недооценивается, хотя для современной российской элиты, привыкшей к немислимому еще 10 лет назад уровню комфорта в обмен на реализацию интересов более сильных участников глобальной конкуренции (вместо национальных интересов), оно означает среди прочего и значительные материальные жертвы.

В частности, критерием практической патриотичности национальной элиты является форма ее сбережений: какими бы высокими мотивами не руководствовались ее члены, как целое она обречена действовать в интересах сохранения и приумножения собственных активов (материальных или нематериальных - влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, доступа к контактам и информации и так далее).

Если эти активы носят чужеродный характер или контролируются стратегическими конкурентами, элита начинает реализовывать их интересы, превращаясь в условиях глобальной конкуренции в коллективного предателя общественных или классовых интересов [27].

Как минимум это означает, что адекватная элита должна хранить личные средства в национальной валюте, а не в валюте своих стратегических конкурентов [28].

Кроме того, она должна сознавать с беспощадной ясностью и полнотой, что в современных условиях дружба возможна между народами, а между странами и обществами бывает только конкуренция [29].

Примечания

[1] О масштабах интеллектуальной деградации российского общества, приближающегося к массовому идиотизму, свидетельствуют результаты мини-опроса о последствиях вероятного нападения США на Ирак. Трое из пяти известных человек, не просто мнящих себя специалистами в области международной экономики, но и пользующихся авторитетом в этой области, заявили, что нападение США на Ирак не приведет к заметному удешевлению нефти, а двое и вовсе выразили уверенность в ее длительном удорожании.

[2] То есть прежде всего к "перепроизводству ожиданий".

[3] Системы социального обеспечения развитых стран, особенно США, ориентированы в конечном счете на фондовый рынок. Не только устойчивое снижение последнего в результате мирового структурного кризиса, но и простая его стагнация наносит сильнейший и болезненный удар по всей системе социальной защиты Запада, ставя тем самым под вопрос главное завоевание западной цивилизации - "общество благоденствия".

[4] В широком смысле слова, то есть обеспечивающих безопасность общества.

[5] Правда, и в этом случае противоречие сохраняется - так как сохраняется недостаточная для развития сложных и дорогих технологий емкость мировых рынков.

[6] А также переход к массовому применению качественно новых технологий, существующих сейчас в режиме опытного применения и направленных на изменение человека (так называемый *high-hume* - в противовес традиционному *high-tech*у). Помимо технологий управления и обучения, это биотехнологии (включая генную инженерию и применение стволовых клеток), а также различные социальные технологии, в сочетании с информационными вырастающие в своего рода "социальную инженерию". Существенно, что технологии преобразования человека и общества могут рассматриваться как этапы формирования коллективного сознания, существующего на уровне организаций и обществ, но принципиально не наблюдаемого отдельным индивидуумом в явном виде.

[7] Вероятно их скрытое, не афишируемое распространение в успешных развивающихся странах, проявляющееся внешне через резкий рост производительности труда. Первоначально их явное распространение будет блокироваться транснациональными корпорациями; но ухудшение мировой конъюнктуры и обострение конкуренции может спровоцировать какую-либо из этих корпораций на

их широкомасштабное применение, что станет началом глобального технологического переворота. Социальные последствия такого переворота, как обычно, будут ужасными.

[8] Победу Западу принесло именно превращение революционно-мессианского сталинского общества в буржуазное по своим ценностям брежневское. Экономический крах социализма стал уже простым следствием этого превращения.

[9] Здесь и далее, если это не оговаривается, понятие "Китай" используется в его китайском, а не европейском понимании, не столько географическом, сколько этническом.

[10] Так, во время иранской революции впервые было применено многократное наложение магнитофонных записей религиозных призывов, качественно повышающее эффективность воздействия на толпу.

[11] Одним из ресурсов, наряду с финансами, рабочей силой и технологиями является и платежеспособный спрос. Дополнительным фактором процветания 90-х стало высвобождение ресурсов развитых стран, отвлекавшихся на обеспечение безопасности в условиях глобального противостояния (и порождающий относительно меньший по объему конечный спрос), и переброска их преимущественно на потребление. Характерно, что эта переориентация ресурсов стала одной из важных причин замедления технологического прогресса в 90-е годы. Основным направлением развития стала прикладная, потребительская реализация технологических принципов, созданных в годы "холодной войны". Создание же новых технологических принципов, являющееся основой технологического прогресса, насколько можно понять, практически прекратилось.

[12] Имеется в виду так называемый "азиатский фондовый" кризис 1997-1999 годов, который на самом деле охватил все континенты и стал первым кризисом глобальной экономики, завершившимся, как и положено мировому кризису, войной.

[13] Существенно, что ухудшение это вызвано не какими-либо локальными причинами, вроде разоблачений корпоративных мошенничеств или высокими ценами на нефть, но описанным выше системным структурным кризисом всей мировой экономики, связанным с переходом на новый, инновационный технологический базис. Поэтому кардинальное (по оценкам, до 13 долл. за баррель Brent-смеси) падение мировых цен на нефть в результате агрессии США против Ирака, по экономическим причинам неизбежной осенью 2002 года, не сможет переломить общую тенденцию ухудшения мировой конъюнктуры.

[14] В предположении успеха "стратегии сдерживания" развития стран Юго-Восточной Азии мировое потребление, например, нефти к 2010 году вырастет лишь на 17-20%, в то время как ее потребление в США - примерно на треть.

[15] Речь идет о коммерческой, рыночной эффективности, включающей не только эффективность производства в узком, технологическом смысле слова, но и эффективность управления, позиционирования на рынке и т.д. - вплоть до злоупотребления лоббированием, монопольным положением и информационно-пропагандистскими технологиями (включая прямой обман, пока его не разоблачили).

[16] Ужесточение конкуренции за финансы выливается для слабых стран в усиление давления на них для либерализации валютного регулирования, облегчающего перемещение национальных капиталов в более инвестиционно привлекательные развитые страны.

[17] Границы этой "Московии" у различных участников мировой конкуренции по понятным причинам не совпадают: одни готовы оставить нам Урал и всю равнинную часть Северного Кавказа, другие отрицают права России даже на Поволжье.

[18] Понятно, что выбить уступки из слабых российских властей для транснациональных корпораций будет на порядок проще, чем из любого относительно демократического (и, значит, учитывающего мнение населения) государства относительно развитой страны.

[19] Существенно, что, чем более отдаленной будет эта отчетливо осознаваемая угроза, тем больше времени будет у соответствующих обществ для реакции на нее и тем жестче и последовательней будет эта реакция. В силу бесспорности самого факта изменения климата она успеет проявиться в ближайшие 10 и тем более в ближайшие 20 лет.

[20] Здесь принципиально не рассматривается случай их разложения, обособления от государства и превращения фактически в самостоятельные корпорации, хорошо знакомый большинству наших читателей - разумеется, исключительно по литературе.

[21] Классическим примером является сделка "Иран-контрас": для вызволения захваченных дипломатов спецслужбы США продавали режиму Хомейни оружие для войны с Ираком, направляя прибыль на финансирование антисандинистских партизан в Никарагуа. Существенно, что эта операция, противореча всем (еще действовавшим в то время) нормам мирового права, столь же полно соответствовала национальным интересам США. Освобождение американских граждан, захваченных в заложники, осуществлялось за счет истощения стратегических противников США в регионе (Ирана и Ирака) и способствовало борьбе против третьего врага - революционной Никарагуа. Характерно, что, несмотря на все попытки раздуть скандал по внутривосточным причинам, он был успешно погашен, а выявленные виновники получили достаточно мягкое наказание.

[22] Удивительно, но впервые на это указал не кто-нибудь, а признанный герой и непризнанная жертва диссидентского движения в СССР академик Сахаров.

[23] Насколько можно понять, впервые на этот факт как на косвенный аргумент в пользу существования надличностного, "коллективного" разума было обращено внимание в книге автора "Экономика неплатежей", вышедшей в 1997 году.

[24] Принципиально недоказуемой с уровня отдельной личности.

[25] Автор никогда не забудет одного из отчетов группы Г.Сатарова, помощника Ельцина, которому была поручена разработка "национальной идеи". Этот отчет включал буквально следующую фразу: "В поисках национальной идеи мы прочитали много газет".

[26] Общественное требование "смены элиты" было одним из ключевых мотивов путинского проекта. Однако оно не было реализовано в силу того, что на фоне элиты, которую смогло создать новое руководство страны, старая, ельцинская элита выглядела едва ли не как образец эффективности и ответственности. В результате реальной смены элит не произошло: ельцинская элита осталась у власти как единственно возможный в сложившейся ситуации гарант относительной общественной стабильности.

[27] Классическим примером может служить "казус Милошевича", который практически не сопротивлялся агрессии НАТО против Югославии в значительной степени потому, что материальные активы его семьи были размещены частью непосредственно в этих странах, а частью - в валютах этих стран. Успешные ответные удары, например, по Германии привели бы к обесценению средств в наличных марках и безналичных евро. Другим примером может служить крах Японии в начале 90-х годов, когда в мире было два "финансовых пузыря" - в Японии и США, и один из них надо было "прокалывать". Именно японская элита приняла решения, приведшие к "проколу" японского "пузыря", от которого японская экономика, еще недавно самая динамичная в мире, так и не смогла оправиться. Причина проста - японские капиталы глубоко проникли в американскую экономику, освоили американский рынок и справедливо считали главным условием своего успеха процветание именно США, на рынок которых они работали, получая за это мировую резервную валюту, а не Японии. Однако ярчайший случай предательства классовых интересов из-за утраты контроля за собственными активами (причем нематериальными) дает нам царская охранка, практически создавшая организованное революционное движение в России (самая массовая и энергичная революционная партия - эсеры - не то что контролировалась, но и управлялась охранкой). В результате ради расширения собственного влияния (и финансирования) охранка раздула революционный костер, при первом же серьезном кризисе превратившийся в пожар, который смел все общественное устройство.

[28] Отсюда, в частности, следует стратегическая обреченность исламского проекта, лидеры которого, в отличие от США, ЕС и Китая, хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому не могут эффективно противодействовать последним.

[29] Парадоксально, но в ежегодном послании Федеральному Собранию, традиционно воспринимаемому российской элитой как юмористическое произведение, президент страны смог вплотную приблизиться к пониманию этого ключевого для современной жизни правила (Прим. ИПРОГа).

Опубликовано на портале «Перспективы: Фонд исторической перспективы»